

Купина Н.А.
Екатеринбург, Россия

СОВЕТИЗМЫ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Отталкиваясь от анализа типичных случаев употребления единиц советского вербального кода в речевых произведениях новейшего времени, автор статьи предлагает дефиницию термина «советизм», устанавливает общие критерии классификации советизмов.

Ключевые слова: советский вербальный код, советский идеологический код, новоархаизм, новоисторизм, советизм.

Сведения об авторе: Купина Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка.

Место работы: Уральский государственный университет им. А.М. Горького.

Контактная информация: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина д. 51, каб. 312.

E-mail: natalia_kupina@mail.ru.

Kupina N.A.

Ekaterinburg, Russia

SOVETISMS: TO DESCRIBE THE DEFINITION

ГСНТИ 16.21.27

Kod BAK 10.02.01

Abstract. The author describes the definition of the term *Sovetism* and sets the general criteria for *Sovetisms* classification, basing on the analysis of the typical usage of the Soviet verbal code items in the contemporary speech pieces.

Key words: Soviet verbal code, Soviet ideology code, new archaism, new historicism, *Sovetism*.

About the author: Kupina N., Doctor in Philology, Professor at the chair of Rhetoric and Stylistics of the Russian language.

Place of employment: Ural State University.

В современном русском языке прилагательное *советский* употребляется в значении 'относящийся к Стране Советов, к СССР, принадлежащий Стране Советов' (АЛ 2005: 931): *советское пространство, советский долг перед западными кредиторами, здание советского посольства в Мадриде*. Второе значение – 'возникший, сформировавшийся, существовавший в СССР' (Там же): *советский человек, советская промышленность, советская наука*. Нетрудно заметить, что оба значения совмещаются.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой находим наиболее точную современную дефиницию: 'относящийся к государственной власти Советов, свойственный, принадлежащий СССР' (СОШ 2006: 741). Действительно, осмысление принадлежности к советскому миру сопряжено с устойчивыми представлениями о свойствах советского. Ассоциативная цепочка *принадлежность – свойство* объясняет возникновение в постсоветское время оценочного значения прилагательного *советский – неодобр.* 'Характерный для СССР' (АЛ 2005:931). Неодобрительное отношение ко всему советскому отражается в однокоренных образованиях: *Совдепия, совдеповский, советикус, совок, совковый, совковость*. В 90-е годы XX века мощный процесс деидеологизации обнаружил естественное стремление россиян освободиться от «пут новояза», «отслоить пласт советского употребления от слов русского языка» [Чудакова 2007: 240; 346].

Восприятие реализованных в речи единиц советского идеологического кода до настоящего времени сопровождается настороженностью. Метаязыковые реакции наших современников нередко наполнены идеологической подозрительностью. Например, Е. Бунимович, один из

участников дискуссии 2009 года о создании всероссийской детской общественной организации, решительно заявляет: «Меня смущает слово *единое*. У нас теперь все *единое*. А дети разные, особенные. *Единое* – это *единая* идеология, возможность управлять сверху. Это проникновение официальной идеологии в школу <...> *Единое* – это необходимое, обязательное, навязанное» (радио «Эхо Москвы»).

Употребление в речи лексики, составлявшей фундамент советского идеологического кода и отражавшей факт общественной «договоренности о смысле слов» [Серио 2009: 119], обнаруживает также прогнозирование говорящим типовой коммуникативной реакции отторжения со стороны адресата. В этом случае метаязыковые комментарии, выступающие как «экспликатеры социальных и ментальных параметров текущей языковой жизни» [Вепрева 2002: 27], содержат указание на полезность номинированной идеи, реалии вопреки их принадлежности советскому. Приведем устное высказывание Григория Явлинского: «*Интернационализм* – это важная мысль. Я умышленно употребляю этот советский термин, который вышел, к сожалению, из употребления» (радио «Эхо Москвы»).

Постепенно боязнь «идеологического инфантилизма» [Аверинцев 2003: 147], идеологическая подозрительность вытесняются стремление говорящего / пишущего к лишенному тенденциозности переосмыслению советского прошлого. Именно о таком переосмыслении, например, свидетельствует газетный заголовок *Советское – значит различное* (ср. слоган *Советское – значит отличное*).

Активизация ключевых концептов советской языковой картины мира, связанная со стремлением к их углубленному содержательному осмыслению, прослеживается на фоне **фактора**

событийности. Комментирование в СМИ победы сборной РФ в чемпионате мира по хоккею сопровождалось словосочетанием *красная машина*:

*Во времена СССР хоккейную команду Третьяка называли **красной машиной**. Сборная России по хоккею снова стала лучшей на планете. На Западе говорят о возвращении **красной машины*** (Новости 1-го канала. 12.05.09.).

В период выборов в Госдуму РФ и выборов Президента РФ (декабрь 2007 / март 2008) в агитационных целях активно разрабатывалась идеологема *руководящей роли партии* [См. об этом: Купина 2009]. В канун Дня Победы в газетной публицистике 2009 г. одним из самых частотных стало сочетание *советский народ* в значении 'население СССР, объединенное едиными нравственными и мировоззренческими ценностями, непоколебимым стремлением одолеть врага, освободить родную землю, одержать победу над фашизмом'. Так, в статье Д. Быкова «Элитный отряд» (Труд 2009, 7 мая) *советский народ* характеризуется как *способный на мгновенную самоорганизацию, действовавший в период военных действий решительно, стремительно, самозабвенно, обнаруживший мобилизационную готовность, тайную способность немедленно совершить чудо при действительно серьезной опасности, способность встать выше любых разделений для спасения человечества*. С. Карамурза в статье «Требуется гегемон» (Известия 2009, 5 мая) рассуждает о неисчерпанном потенциале созданной в СССР исторической социальной общности:

*Эта общность и служит ядром консолидации в момент больших кризисов, она и задает проект будущего. Трудный XX век Россия прошла, ведомая **культурно-историческим типом**, который стал складываться задолго до 1917 года, но он оформился уже как **«советский человек»**. Он сник в 70-80-е, а потом был загнан в катакомбы, но не исчез. Он молчаливое большинство, хотя и пережившее культурную травму <...> В нынешнем рассыпанном обществе именно **эти люди** являются **единственной общностью**, которая обладает способностью к организации... Именно они могут быть собраны на обновленной матрице, ибо сохранилось культурное ядро этой общности, несущее ценности и смыслы российской цивилизации, **ценности труда, творчества и солидарности**.*

Как видим, культурно-историческая интерпретация позволяет автору речи абстрагироваться от идеологической подозрительности, установить непреходящие свойства нации, ее духовную силу, нестигаемость и при этом не опровергать факта «дискредитации прочих идеологем» (Д. Быков).

Публичная системная критика советских идеологических конструктов в конце первого

десятилетия XXI века заметно ослабела. Можно говорить лишь об отдельных примерах рассчитанного на массовую аудиторию последовательного анализа идеологической лжи. Например, О. Хлебников сообщает о специальной рубрике «Новой газеты»:

*Вот с разговора об «оттепели» мы и решили начать новую рубрику – «Настоящее прошлое». Ее цель, если коротко, – **демифологизация отечественной истории, стирание белых пятен и идеологических фальсификаций*** (2009, 16 января).

Текущая языковая ситуация свидетельствует о завершении стратегически заданного блокирования советского идеологического кода. Приведем в качестве примеров высказывания, извлеченные в 2009 г. из устных и письменных текстов.

В речевой оборот возвращаются слова, словосочетания советской эпохи в первичных значениях:

Плановая командно-административная система сегодня возрождается (из речи сотрудника Уральского отделения РАН); *О том, как будет развиваться демократия в России и что для этого должны сделать **партия и правительство** – наш специальный репортаж* (новости 1-го канала); *Наша страна отличается умением проводить **кампанейщину*** (В. Мережко по поводу кризиса в Союзе кинематографистов); *Максим Шевченко* (телеведущий) *обвинил режиссера Звягинцева в **псевдотарковщине*** (И. Петровская, радио «Эхо Москвы»); *Акцию протеста во Владивостоке инспирировали **заокеанские вредители**, стремящиеся к тому, чтобы Япония сбывала нам автохлам* (из речи на митинге представителя партии «Единая Россия»). *Хватит ругать **советскую систему**: это уже немодно* (Ю. Поляков, телеканал «Культура»).

В газетном тексте вербальные знаки советского кода нередко помещаются в кавычки, которые, отсылая читателя к прошлому, акцентируют актуальность обозначенного в настоящем: *Кто **«раскулачивает»** фермеров; Работников «Лукойла» **добровольно-принудительно** отправляют в отпуск; «**Партмаксимум**» для олигархов (газетные заголовки). Кавычки служат для формирования аналогии между советским прошлым и «не нашим» настоящим: *На выставку «Мода и стиль в фотографии» привезли **американский «соцреализм»**: **Непальские «товарищи»** постановили: не брать за невест выкуп. Подобные аналогии не обязательно вводятся с помощью кавычек. Например, в телевизионном обозрении Ю. Богомолова встречаем перечислительный ряд с вмонтированными в него вербальными единицами советского кода, позволяющими домыслить содержательное наполнение параллелей *раньше – теперь; у нас – у них*:**

*Инаугурация Барака Обамы (**вождя прогрессивного человечества**), круглые поминки по Ленину*

(85 лет со дня кончины **вождя мирового пролетариата**), церемония «Золотой орел», юбилейное торжество Татьяны Шмыги, юбилей Владимира Дашкевича, воспоминания о Владимире Высоцком – вот, собственно, основные блюда в меню нашего ТВ за минувшую неделю (Российская газета).

Распространение получает открытое институциональное калькирование советских образцов. Например, возрождается молодежная организация, структурированная по типу ВЛКСМ:

С инициативой создания ячейки **Российского союза молодежи** выступила городская молодежная Дума. Идею поддержали ветераны **комсомола** и управление образования, а также комитет по делам молодежи. На слете молодежных организаций, созванном в честь такого события, первым пятнадцати юношам и девушкам, **вступившим в ряды РСМ**, в торжественной обстановке были вручены членские билеты <...> Под бурные аплодисменты виновникам торжества преподнесли бокалы молочного коктейля – традиция **новых комсомольцев**. С патриотическим напутствием выступил перед собравшимися **ветеран комсомола гвардии капитан Василий Николаевич Хилько**, который в годы Великой Отечественной войны был разведчиком, а потом стал известным в нашем городе педагогом и писателем. Он подарил соратникам свою книгу с автографом и пожеланием: «Активнее занимайтесь патриотическим воспитанием подрастающего поколения!» (Областная газета, Екатеринбург, 5 мая 2009).

Возрождаются советские идеологические практики и ритуалы. Так, в канун 1 Мая было принято вручать государственные награды СССР передовым рабочим, труженикам села, а также отдельным представителям трудовой интеллигенции, спортсменам. Отмеченная последовательность никогда не нарушалась. Ритуал воспроизводился на разных уровнях власти и демонстрировал связь государства с трудовым народом. Ср.:

Награды труженикам. Президент России Дмитрий Медведев в преддверии празднования 1 Мая **вручил государственные награды 34 выдающимся россиянам**. В их числе **литейщик** цветных металлов из Волгограда **Илья Хомутов**, **травильщик «Ижстали»** Валерий Березин, **доярка** из Костромской области Галина Горбунова (АиФ); Вчера в резиденции губернатора состоялась церемония вручения наград жителям Свердловской области. В списке отмеченных указами Президента РФ и губернатора 59 человек – **рабочие и служащие, руководители производств, работники сельского хозяйства, здравоохранения, представители науки, культуры, искусства, спортсмены...** (Областная газета, Екатеринбург).

Внедряются культурно-организационные практики советского образца. Параллельно, как и в отмеченных выше случаях, в речевой обо-

рот возвращаются вербальные единицы советского кода:

В Татарстане возрождают **производственную гимнастику**. Разминка на работе началась с аппарата Президента республики, политиков и чиновников (Российская газета). Ср.: Филателию – в массы. Состоялась **отчетно-выборочная конференция Свердловской региональной общественной организации Союза филателистов России**. Заместитель председателя Игорь Ренев выступил с докладом о **проделанной за несколько лет работе** (Областная газета, Екатеринбург).

Отмеченная координация сопровождает и возрождение почетных званий:

Идею учредить звание **Герой труда России**, аналогичное существовавшему ранее званию **Герой Социалистического Труда**, выдвинула Общественная палата (Российская газета).

О возвращении в российскую жизнь символов и ритуалов советской эпохи говорит журналист В. Выжурович (Российская газета):

Вернулся советский **гимн**, вернулось **красное знамя в Вооруженные силы**, вернулся **прием в пионеры на Красной площади** (Российская газета).

В печати наших дней употребляются информационные стандарты, а также эмоционально-экспрессивные и оценочные средства, характеризующие советскую стилистическую манеру [См.: Костомаров 1971: 90-104; Лысакова 2005: 28-51]. Например, в газетах Среднего Урала и Зауралья регулярно используются сочетания со словами группы «труд», имеющие традиционно советский характер. Обращает на себя внимание набор стандартных атрибутивных сопроводителей к базовой номинации **труд** (**честный, бескорыстный, самоотверженный, благородный, ударный**), клишированные сочетания **трудоу коллектив, трудовые традиции, трудовые навыки, трудовой подвиг, трудовые достижения, трудящиеся района, трудящиеся Урала**. Все эти средства не только выделяют тему труда как фундаментальную, но и обуславливают ее развитие в границах советской идеологической ортологии, которая, в частности, вырабатывала нормы жизненного поведения, формировавшие активную жизненную позицию передового человека. Соответствующие этим нормам вербальные указатели наполняют штампованными характеристиками сферу персонажа [См. об этом: Романенко 2008: 54-66]. Например, в очерке о знатном животноводце (газета «Парма») героиня характеризуется как **лучшая телятница, знающий, грамотный и требовательный специалист; общительный, веселый и неунывающий человек; замечательная хозяйка и огородница**. Шапмы сопровождают описание биографии героини: **Вся ее трудовая жизнь связана с колхозом имени Ленина; Выйдя на**

заслуженный отдых, Валентина Ермиловна окунулась в заботы общественные.

Советская газетная формульность маркирует современные информационные сообщения:

Средний Урал всегда был и есть опорный край державы. Могущество России ковалось на предприятиях нашего края. Постоянно вопросам повышения обороноспособности огромное внимание уделяет губернатор Свердловской области Эдуард Россель. Недавно на Среднем Урале побывали заместитель председателя правительства Российской Федерации Сергей Иванов и министр обороны Анатолий Сердюков. Вместе с губернатором они посетили крупные оборонные предприятия региона, приняли важные решения о размещении на наших заводах новых заказов для российской армии (Областная газета, Екатеринбург, 21 февраля 2009).

Советские агитационные схемы составляют основу официальных агитационных технологий дня: *Компьютеры – студентам, лекарства – больницам, мотоциклы – милиции* (Областная газета, Екатеринбург).

Безальтернативная оценочность, стандартные метафоры снова определяют направление стилистического эффекта газетного текста. Приведем два извлечения из «Областной газеты» (Екатеринбург):

На днях депутаты Государственной Думы наконец приняли законопроект, который, по словам вице-спикера Надежды Герасимовой, позволит огрادیть подрастающее поколение от «тлетворного влияния увеселительных ночных заведений». Ср.: Средний Урал и впредь будет в авангарде этого процесса, будет оставаться одним из экономических лидеров страны. В предстоящий период мы должны еще более усилить его лидирующую роль, что особенно важно в связи с предстоящим знаковым событием – 70-летием Свердловской области.

В федеральной прессе маркеры советской стилистики сопровождают иронию, ощущаемую, однако, лишь теми читателями, которые опознают клише советского газетного текста:

В период порожденных мировым кризисом временных трудностей особенно насущным является избегание парадности и зазнайства, а равно усиленное развитие критики и самокритики. Тут нам показывают похвальный пример и старые, и молодые демократии (М. Соколов, «Известия»).

Вот еще один фрагмент из фельетона «Кинематографисты-вредители» того же автора:

Явившись вместе с математическим политологом Е.С. Кургияном к известному своей бескорыстной преданностью правде ведущему программы «Момент истины» А.В. Караулову, Н.А. Михалков вместе с политологом изобличили зловещие планы мятежных членов СК, которые уже один раз – в 1986 г. – дали импульс к развалу СССР, а теперь своим съездом могут развалить Россию. Плюс намек на зловещие фигуры вроде Д. Сороса.

Тяготение к советской стилистике проявляется в тенденции использования агитационных плакатов. Например, в газете «Известия» плакат РОСТА включается в текст статьи В.Зозули «Россия и Украина – споры о совместном прошлом». Вербальное сопровождение к плакату переводит спор об исторических процессах в идеологическую плоскость: классовая борьба представляется как причина и выход из сложившегося положения.

Прецедентные визуальные знаки советской эпохи соседствуют с прецедентными высказываниями, которые употребляются в готовом виде как актуальные номинации – как, например, в следующих газетных заголовках: *Широка страна моя родная; Куба – любовь моя; Мир, труд, май!; Мы мирные люди; Молоткастый серпастый; В воздухе пахнет грозой.* Прием трансформации прецедентного высказывания акцентирует ценностные различия на оси времени: *Броня крепка, а деньги наши быстры; Нет, нужен нам берег турецкий; Мы не торопим время. Мы не изменяем пространство. Мы просто отражаем реальность. Газета «Коммерсант». Капиталистический реализм.*

Поскольку источник прецедентного знака далеко не всегда известен воспринимающему, в текстах все чаще встречаем отсылочный комментарий:

Кадры, – как говорил Иосиф Сталин, – решают всё. Ср.: Если вспомнить классиков, то капитализм – это общество эксплуатации человека человеком. Это действительно так (В. Костиков, АиФ).

Отсылочные комментарии и толкования сопровождают не только прецедентные высказывания, но и отдельные слова и словосочетания, принадлежащие как официальному, так и неофициальному советскому языку. Ср.:

В советские времена считалось (а многие считают и сейчас), что в XX веке в мире сосуществовали и боролись между собой лагерь капитализма и лагерь социализма (не считая «третьего мира» – «неприсоединившихся» стран). – (В. Персианов, Литературная газета); Поймав себя на мысли, что в последнее время, когда читаю в западной прессе про невообразимые размеры бонусов для топ-менеджеров, то вспоминаю термин «партмаксимум». Была такая практика на заре раннего сталинского «репрессанса», когда для члена компартии считалось неприличным получать слишком уж высокие зарплаты. Партноменклатура, разумеется, добирала благ всевозможными другими немонетизированными способами, но в зарплатной ведомости все было очень скромно – вполне сопоставимо с зарплатой простого работника (Г. Бовт, «Известия»); У будущего нобелевского лауреата Игоря Тамма, который в молодости состоял в меньшевиках, всегда, как он мне шепотом сказал, в запасе был «сидор», маленький саквояж на случай ареста (из рассказа академика Е.Л. Гинзбурга).

Комментирование и толкование говорящим / пишущим единиц советского вербального кода свидетельствует об осознании процесса устаревания этих единиц, их маргинализации. Процесс устаревания лексики в значительной степени обуславливает сложившуюся в современной языковой ситуации оппозицию кода и текста. М.В. Панов писал: «Если говорящий и слушатель понимают друг друга, то это означает, что у них в памяти существует общий код (набор знаков) и они по общим для них законам сочетают их, создавая текст» [Русский язык и советское общество 1968: 25]. Язык советского времени перестал быть общим языком россиян. В понимании речевых произведений, содержащих вербальные знаки, бренды, символы эпохи социализма, наблюдается прежде всего поколенческое различие: языковой код носителей русского языка, прошедших социализацию в СССР, и носителей русского языка, прошедших социализацию в постсоветское время, не совпадает. Филологи пишут о необходимости специального комментирования советского лексикона в текстах русской литературы XX века [См.: Чудакова 2007: 351-394]. Школьные учителя говорят о том, что дети не знают советских песен, не понимают, что такое «Мессершмитт», «Тигр», «Катюша» и др. О.П. Ермакова в предисловии к словарю «Жизнь российского города в лексике 30-х – 40-х годов XX века» отмечает, что современные студенты «не знают, что такое *лудильщик, тапёр*, что такое *керосинка, перочистка, пресс-папье, лампа-молния...*» [Ермакова 2008: 4]. Очевиден процесс ухода в пассивный запас лексем-логоэпистем, адекватное понимание которых предполагает «способность ориентироваться и в области кода (язык), и в области сообщаемой этим кодом информации (культура)» [Бурвикова, Костомаров 2004: 494], и в области текста, передающего эту информацию. В

этой связи можно говорить о возникновении новоисторизмов, вышедших из употребления в связи с исчезновением реалий, которые они обозначали в советское время. На наших глазах формируется пласт устаревших слов – новоисторизмов и новоархаизмов, переходящих в разряд агнонимов [См: Морковкин, Морковкина 1997; Черняк 2003] Но все ли «ушедшие и уходящие» слова советской эпохи относятся к советизмам? Ответить на этот вопрос можно лишь при наличии определения последних.

К **советизмам** целесообразно отнести слова, сочетания слов, выражения, 'связанные с социалистической организацией власти Советов и общества эпохи диктатуры рабочего класса' [ТСУ: 341-342], а также номинации явлений, событий, происходивших в СССР, свойственных социалистической системе во всех сферах жизнедеятельности.

Исходя из определения вытесненные активными синонимами номинации типа *гребенка* (современный синоним – *расческа*), *провизия* (современный синоним – *продукты*), *барахолка* (ср.: актуальные номинации *вещевой рынок, китайский рынок*) и подобные нельзя считать советизмами, т.к. их семантика не отражает свойств социалистической системы, принципов собственно социалистической организации жизни. По этой же причине нельзя отнести к советизмам, несмотря на хронологическую отнесенность к языку XX века, слова типа *апаш* – 'фасон мужской рубашки с широким открытым воротом', *керогаз* – 'нагревательный керосиновый прибор', *керосиновая лампа* (См.: Ермакова 2008). Напротив, разговорное слово *стиляга* (ср.: *Валерий Тодоровский получил статуэтку «Ника» за фильм «Стиляги» – лучшую картину года*) является советизмом: оно обозначало молодого человека, отличавшегося не соответствующей социалистической морали и потому не одобряемой обществом склонностью к модному стилю одежды, броскому стилю поведения. На комсомольских собраниях, в печати стилиаги обвинялись в низкопоклонстве перед Западом, в безнравственности и бездуховности.

Компоненты лексической семантики, выделяющие стороны жизни, свойственные социалистическому укладу, содержатся, например, в значениях вышедших из употребления существительных *березка* и *посылторг*. В первом случае обнаруживается факт скрытого неравенства в социалистическом распределении товаров и продуктов. *Березка* – 'магазин, в котором можно было приобрести товары на иностранную валюту', причем работающие за рубежом советские граждане в обмен на заработанную валюту получали чеки, которыми можно было расплатиться только в подобных магазинах. Во втором случае номинируется торговая организация, деятельность которой отвечала принципу «каждому по потребностям». Посыл-

торг занимался обслуживанием населения, в том числе отдаленных районов, по почте (См.: ТСЯС 1998: 50; 464).

К советизмам относится и лексика сопротивления. Например, существительное *тамиздат* обозначало явление, существовавшее вопреки принципу идейности, лежащему в основании догмы социалистического содержания литературы, науки, искусства. *Тамиздат* – «произведения литературы, политики, философии и т.п., запрещенные по цензурным соображениям в СССР и изданные за рубежом («там»), куда их передавали нелегально, и затем также нелегально вводили в СССР» (ТСЯС 1998: 598-599).

Таким образом, наличие хронологического ограничителя [См.: Михайлова 1998: 25] не является единственным основанием для включения слова (словосочетания, выражения) в ряд советизмов. Советизм прямо или косвенно отражает сконструированные в советский период развития страны характерологические свойства (политики, экономики, морали, философии, эстетики, быта, трудовой деятельности), соответствующие социалистическому мировоззрению.

С синхронной точки зрения, можно говорить об узком и широком понимании **советизмов**. В первом случае речь идет о политической лексике и фразеологии, имеющей, как правило, тенденциозно-идеологическое смысловое наполнение: *перегибщик, подкованный, оголтелый, махрово-реакционный, генеральная линия партии, партийная совесть, страна победившего социализма, блок коммунистов и беспартийных* и др. Во втором случае советизм трактуется как слово (сочетание слов, клишированное выражение), обладающее значением, компонентный состав которого отражает специфику участка собственно денотативного пространства и содержит наведенные идеологической и социальной средой коннотативные приращения или культурные ограничители: *подселение, уплотнить, нормы социалистического общежития, цэковский паек, из-под полы, вещьпоклонство, трудоводень, трудовая вахта* и др.

Классификация советизмов в проекции на политическую коммуникацию и политическую реальность [См.: Чудинов 2006: 6] прошлого и настоящего – актуальная задача современной политической лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С. Несколько мыслей о «евразийстве» Трубецкого // Новый мир. 2003. № 2. С. 137-149.

Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Традиции и новации в методике преподавания русского языка как иностранного: к проблеме толерантности // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллект. моногр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 493-498.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 380 с.

Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – М.: Изд-во МГУ, 1971. 266 с.

Купина Н.А. Динамика идеологического фонда русского языка: актуальные тенденции // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: Сб. науч. тр. ВГПУ; Волгоградский институт бизнеса. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. С. 158-168.

Лысакова И.П. Язык газеты и типология прессы: Социолингвистическое исследование. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 256 с.

Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике: семасиологический и лингвокультурологический аспекты. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 240 с.

Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы: (слова, которые мы не знаем). – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1997. 414 с.

Романенко А.П. Советская герменевтика. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. 166 с.

Русский язык и советское общество (социолингвистическое исследование): Лексика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1968. 186 с.

Серио П. От любви к языку до смерти языка // Политическая лингвистика [Гл. ред. А.П. Чудинов] – Екатеринбург, 2009. Вып. (1) 27. С. 118-123.

Черняк В.Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня. – М.: Азбуковник, 2003. С. 295-304.

Чудакова М. Язык распавшейся цивилизации: Материалы к теме // Новые работы: 2003-2006. – М.: Время, 2007. С. 234-348.

Чудакова М. Советский лексикон в романе «Мастер и Маргарита» // Новые работы: 2003-2006. – М.: Время, 2007. С. 351-394.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.

СЛОВАРИ

АЛ – Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика [Под ред. Г.Н. Скляревской] – М.: Эксмо, 2006. 1136 с.

Ермакова О.П. Жизнь российского города в лексике 30-х – 40-х годов XX века: Краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений. – Калуга: Изд-во «Эйдос», 2008. 172 с.

СОШ – С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. – М., РАН: ООО НТИ «Технология». 944 с.

ТСУ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. [Под ред. проф. Д.Н. Ушакова] – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935-1940. Т. IV. 1499 с.

ТСЯС – В.В. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

© Купина Н.А., 2009